

УДК 913 (477.7)

СОБЫТИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В «ПУТЕШЕСТВИИ ПО КРЫМУ: ЮЖНЫЙ БЕРЕГ» (1892 Г.) ЛУИ ДЕ СУДАКА (ЛУИ АЛЕКСИСА БЕРТРЕНА)

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Луи Алексис Бертрэн (Луи де Судак; 1852–1918) – французский, турецкий и испанский вице-консул в Феодосии, значительную часть жизни проживший в Крыму (в Феодосии и Судак); писатель. Его перу принадлежит серия очерков о Крыме и книга «Путешествие по Крыму: Южный берег», опубликованная в Париже в 1892 г. Эти произведения позволяют увидеть Россию и Крым глазами иностранца. Значительная часть книги посвящена Севастополю и его округе, при этом основное внимание автора сосредоточено на событиях Крымской войны и описании её многочисленных примет в городе русской славы.

Ключевые слова: путешественники по Крыму XIX века, Луи де Судак (Луи Алексис Бертрэн), Крымская война, осада Севастополя.

Луи Алексис Бертрэн, писавший свои художественные и публицистические произведения под псевдонимом Луи де Судак, – француз, проживший в Крыму почти три десятилетия и своими трудами сохранивший для нас часть исторического прошлого полуострова.

Жизнь и творчество Луи Бертрэна фактически не исследовались в научной литературе – ни в исторической, ни в литературоведческой. По сути дела можно говорить лишь о двух работах, ему посвящённых: это некролог, составленный В. Д. Гейманом, знавшим Бертрэна и высоко ценившим его литературные труды, и краткая заметка о Бертрэне Г. И. Беднарчика, переводчика, впервые издавшего несколько произведений Луи де Судака на русском языке [4; 18].

Луи Алексис Бертрэн родился в 1852 г. (21 января, если следовать рукописи В. П. Купченко [7, с. 56])¹ в алжирском городе Оране, в семье инженера Алексиса Бертрэна, который «по своей специальности избороздил многие области Европы и Африки, и в 50-х годах находился на службе в Оране» [4, с. 167]². Там-то и родился его сын Луи. Жизнь в Алжире была не из лёгких. Отцовских гонораров не хватало, и матери Луи приходилось добывать «в суровых условиях тамошней жизни средства уроками музыки». Возможно, поэтому Алексис Бертрэн постарался при возможности покинуть Северную Африку и перебрался в Крым, в Феодосию, «на постройку задуманной французской ж<елезной> дороги» [4, с. 167]. Он входил в число главных инженеров-французов.

¹ На той надгробной плите, которую можно видеть сегодня на старом христианском кладбище Феодосии, дата другая – 28 февраля 1852 г. Эта плита не первичная; оригинальное надгробие было случайно разбито в 1980-х гг., на его месте поместили другое и, по-видимому, с ошибочной датой рождения Луи Бертрэна.

² В. Д. Гейман в некрологе не уточнил день и месяц рождения Бертрэна, а год рождения дал, скорее всего, ошибочно – 1851-й.

В Феодосии Бертрены оставались три года (1859–1861) – ровно столько, сколько велись работы по подготовке к прокладыванию железной дороги. Но сама дорога по разным причинам, в первую очередь финансовым, так и не была построена¹. Алексис Бертрэн оказался в сложном финансовом положении. В 1861 г. семья вернулась во Францию. На родине Луи обучается в муниципальной коллегии по классическому отделению, осваивая философию и литературу. Затем отбывает воинскую повинность – «в самых отдалённых интендантских лагерях, на границе Алжира и Сахары» [4, с. 167–168].

Ещё до окончательного переезда в Россию Луи Бертрэн бывал в Крыму, что следует из его же слов: в 1883 г. он видел остатки царского дворца в Ореанде после пожара, случившегося в 1881-м. [21, р. 143].

Около 1887 г. (так сказано у В. Д. Геймана) Луи переезжает из Франции в Одессу, где даёт частные уроки французского языка и литературы. Скорее всего, переезд в Россию был обусловлен необходимостью добывать средства к жизни. Но была и другая, возможно, более важная причина: он хотел быть ближе к престарелому отцу, который незадолго до приезда Луи в Одессу вернулся в ранее облюбованную им Феодосию. Здесь Алексис Бертрэн женился во второй раз, его супругой стала княгиня Александра Захаровна Херхеулидзе (?–1896).

В самом начале 1890-х гг. Луи перебрался к отцу, жившему в имении жены, находившемся недалеко от Судака, оно называлось «Новый Свет». Луи жил здесь до смерти отца. Алексиса Бертрена не стало в 1892 г.

С Александрой Захаровной Херхеулидзе Луи Бертрэн был дружен, относился к ней с большим уважением. Ей посвятил своё «Путешествие по Крыму: Южный берег» и в посвящении назвал своей второй мамой. Александра Захаровна была дочерью генерал-майора князя Захара Семёновича Херхеулидзе (Херхеулидзева; 1797[8] – 1856), имя которого вошло в историю Крыма первой половины XIX в.², и Лидии Григорьевны Кушниковой. Александра – одна из трёх дочерей Захара Семёновича – жила в отцовском имении «Новый Свет», после замужества – с супругом, Алексисом Бертреном.

Луи Бертрэн полюбил и Судак, и «Новый Свет». О Судаче писал: «очаровательное место, надолго покорившее меня» [18, с. 10]. В имении княгини Херхеулидзе он придумывает для себя литературный псевдоним – Луи де Судак. В 1892 г. – в год смерти Алексиса Бертрена – из печати вышла его книга «Путешествие по Крыму: Южный берег». Следовательно, Луи Бертрэн работал над ней, живя в «Новом Свете».

После смерти отца сорокалетний Луи Алексис Бертрэн переезжает в Феодосию, которую должен был помнить с детства. В биографическом справочнике В. П. Купченко [8, № 641] отмечается, что Луи Бертрэн был в Феодосии вице-консулом Франции (с 1910 г.), затем консулом Франции, Турции и Испании.

В Крыму он обзавёлся хозяйством. Его имя значится в списке садовладельцев Судакской, Айсавской и Таракташской долин [19, с. 295–296]. Район Судака славился

---

¹ Железнодорожная ветка Джанкой – Феодосия вошла в строй только в 1892 г.

² О З. С. Херхеулидзе см.: [2, с. 23–28; 5, с. 145; 6, с. 278 (имен. указ.); 16; 19, с. 568 (имен. указ.); 20, с. 668 (имен. указ.)].

в первую очередь виноградниками. В районе Судака было много имений с садами и виноградниками, среди них и поместье Луи Бертрена.

Бертрен сразу стал заметной фигурой в феодосийском обществе и играл в его жизни значительную роль – и как общественный деятель, и как литератор. Здесь у него было много знакомых, в том числе людей образованных, интеллигентных, с которыми можно было говорить на любимые темы: о литературе, истории, искусстве. В особенности привлекали некоторые события из истории Крыма, и им Луи де Судак посвящал свои произведения. Но главным собеседником, советчиком и просто другом был Людвик Петрович Колли.

Людвик Колли́ (1849–28.12.1917 [10.01.1918]) родом из швейцарского Фрайбурга, на родине получил философское и юридическое образование. Он прибыл в Феодосию в 1879 г. и в течение трёх десятилетий преподавал французский язык в её мужской и женской гимназиях. Друживший с ним Арсений Иванович Маркевич, председатель Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК), писал: «живой, остроумный, всегда изящный, жизнерадостный, Людвик Петрович пользовался симпатиями как сослуживцев, так и общества» [9, с. 209]. Хорошо образованный, страстно увлечённый историческим прошлым Крыма, путешествиями по полуострову, Колли был принят в члены Одесского общества истории и древностей и Таврической учёной архивной комиссии. С 1900 г. и до конца жизни он исполнял должность хранителя Феодосийского музея древностей – старейшего на юге России, первого археологического музея в Крыму. Он был основан ещё в 1811 г. по инициативе феодосийского градоначальника С. М. Броневского; с 1871 г. располагался в красивом здании на горе Митридат, возведённом на средства И. К. Айвазовского¹.

Людвик Петрович любил Крым, Феодосию, к России относился как к своей второй родине, прекрасно знал русский язык. В письме к А. И. Маркевичу от 2 декабря 1903 г. признавался: «Да, я до сих пор иностранец, швейцарец по рождению, но люблю Россию и буду ей предан до смерти» [9, с. 212. См. также: 13; 14].

Колли и Бертрена многое связывало: они были ровесниками, в близкое время поселились в Феодосии, понимали и поддерживали друг друга. Кстати сказать, Бертрен, как и Колли, был членом ТУАК [15, с. 246].

Знавший их обоих уроженец Феодосии, доктор медицинских наук И. М. Саркизов-Серазини в своих «Воспоминаниях о Феодосии» (1932 г.) писал: «Странна судьба обоих иностранцев, занесённых к стенам древней Кафы. Казалось, вся молодая энергия и деятельность одного и другого были поставлены под серьёзную угрозу сонной и тихой Феодосии допортового периода. Перед каждым из них вставала дилемма – вступить на путь, по которому катилась жизнь чиновной феодосийской интеллигенции: сытно поесть, сладко поспать, поиграть в картишки... но романтика прошлого столицы средиземноморской культуры в Тавриде покорила воображение швейцарца и француза. И тот, и другой с большим рвением отдаются изучению края и ставшего для них родным городишка». И далее: «Бертрен жил в

---

¹В годы Великой Отечественной войны это здание погибло; сейчас музей находится в центре города, в здании бывшей гостиницы «Генуэзской», рядом с Феодосийской картинной галереей им. И. К. Айвазовского.

небольшом двухэтажном домишке, недалеко от католической церкви, подле сквера»¹; он «переименовывает себя в Луи-де-Судака и как бы скрепляет этим свою судьбу с судьбой новой родины... Луи Бертрена знала вся Феодосия. Он очень напоминал внешностью Ги де Мопассана. Высокий, несколько полноватый, он был аккуратным посетителем всех концертов, благотворительных гуляний»; «В нём сказывался человек большой культуры и утончённого интеллекта». И в заключение: «Таковы были оба друга старой Феодосии, такова была сила романтики её прошлого» [17, с. 104–105].

В XIX – начале XX в. Феодосия в культурном отношении была городом примечательным, её посещали знаменитости, множество путешественников. Привлекали море и красивые пейзажи, средневековые памятники – руины генуэзских стен и башен, культовые постройки. Гордостью любивших свой город феодосийцев были Музей древностей и картинная галерея И. К. Айвазовского, куда часто приходил и подолгу беседовал с маэстро об искусстве Людвик Колли, надо полагать, с ним был его друг – Луи Бертрэн, который также прекрасно знал великого мариниста. Неслучайно в своём очерке о Феодосии он заметил: «говорить об этом человеке в этом городе – это всё равно, что говорить о Боге в церкви: здесь есть бульвар, улица и фонтан его имени. Без сомнения, в будущем появятся его памятник и статуи, но зная очень хорошо его характер, высоко уважая его талант, я бы хотел, чтобы это произошло как можно позже» [22, р. 23].

Своего рода местным культурным центром была гимназия, в особенности в годы заведования ею В. К. Виноградова (1843–1894), даровитого педагога, литератора, автора книги «Феодосия: исторический очерк» [11; 12]. Педагоги были людьми просвещёнными, некоторые слыли заядлыми краеведами. Всех их, конечно, знал Луи Бертрэн.

Живя в Феодосии в таком окружении, Бертрэн, человек начитанный, натура увлекающаяся, с головой ушёл в исторические исследования и литературные занятия.

Он слыл необыкновенно трудолюбивым человеком, много писал и тщательно обрабатывал свои сочинения – эти его качества особенно отмечал В. Д. Гейман. Помимо того, Бертрэн был корреспондентом от Феодосии в зарубежных изданиях – в частности в газетах «Le Temps» (Франция), «Revue universelle» (Швейцария) [4, с. 170]. За литературные заслуги его наградили российским орденом Св. Станислава 3-й степени, французским «Officier d'academie» и турецким «Меджидие» 2-й степени [4, с. 170, прим. 1].

Гейман пишет: «В Бертрэне, кроме литературного деятеля-историка, поэта и философа, мы имели также артиста и художника, счастливо сочетавшего в себе это разнообразие способностей и талантов» [4, с. 170]. Данную характеристику следует дополнить: он был хорошо образован, знал и любил литературу, в особенности французскую, в своих сочинениях обращался к мыслям и персонажам произведений писателей, бывших его современниками или предшественниками.

Луи Бертрэн долго жил вдали от родины, но любил её и никогда не забывал. В 1906 г. в Феодосии в пользу жертв наводнения во Франции прошёл спектакль, поставленный по его неопубликованной пьесе «Неизвестный» («L'inconnu»). И

---

¹ В рукописи В. П. Купченко значится: «1903 (год. – Э. П.): Греческая ул., д. 4» [8, № 641].

наверняка Бертрэн был рад тому, что его «Путешествие по Крыму...» было рекомендовано министром народного просвещения Франции для чтения во всех французских школах [4, с. 169]. В своих произведениях Бертрэн всегда оставался французом и на стороне Франции – вне зависимости от того, права она или нет. Это особенно прослеживается в его «Путешествии по Крыму...», где много места уделено событиям Крымской войны 1853–1856 гг., он искренне радуется победам антироссийской коалиции, хотя и не скрывает своего уважения к таланту российских военачальников. Более того, здесь же признаётся в своей любви к России [21, р. VI].

В особенности близкой стала ему Феодосия, «богатая своими славными страницами» [18, с. 135]. По расположению жилых построек и окружающих гор она напоминала ему Неаполь, и он называл её Неаполем в миниатюре, «одним из самых грациозных провинциальных городов России» [18, с. 141, 138]. Город вытянулся в форме полумесяца вдоль моря, пишет он, и уже взбирается на окружающие его холмы; утопающая в зелени его главная улица – Итальянская (ныне ул. Горького) – выходит на «маленькую кокетливую площадь с красивой бронзовой статуей благодетеля Феодосии Александра III и маленьким окружённым тополями фонтаном в мавританском стиле» [18, с. 138, 139]. Но более всего примечательна Феодосия, по мнению Бертрэна, своими жителями разных национальностей и культур.

Последние годы жизни Луи Алексиса Бертрэна были омрачены событиями на международной арене и в России. Он обсуждал их с людьми, близкими по духу. Конечно же, с Людвигом Колли, который тяжело переживал за Россию в годы Первой мировой войны и Октябрьской революции [3, с. 215; 9, с. 212–213].

В. Д. Гейман отметил примечательный факт: Бертрэн, «предвидя возможность открытия военных действий между Францией и Турцией, послал турецкому послу в Петроград свой отказ от звания консула. Французское же консульство им было временно закрыто в день германской оккупации, когда он исполнял фактически обязанности представителя нейтральной Испании»; и ещё: «Как курьёз, можно отметить, что в день бомбардировки Феодосии крейсером “Гамидие” 16 октября 1914 г. один из немногих удачных снарядов попал как раз в квартиру этого турецкого консула Л. Бертрэна, но, к счастью, всё ограничилось страхом и беспокойством, т. к. снаряд не разорвался» [4, с. 168, прим. 2].

В конце жизни Луи Бертрэн болел. Умер он 29 сентября 1918 г. Похоронен на феодосийском христианском кладбище – ныне мемориальном. Незадолго до этого он наверняка тяжело пережил смерть Людвига Петровича Колли. Ушли в небытие колоссы крымоведения XIX – начала XX столетия...

О литературном творчестве Луи де Судака (Луи Бертрэна). В своё время его произведения пользовались популярностью. Все они написаны по-французски. Некоторые издавались неоднократно. Бертрэн писал для широкого читательского круга, его произведения знали в Европе и в России, где французский язык был широко распространён в образованных кругах. Но основная масса читателей всё же была во Франции. И сочинения Бертрэна, имеющие отношение к России, Крыму, в первую очередь были обращены к его соотечественникам. Именно им автор давал советы, куда съездить, что посмотреть, на что в Крыму обратить внимание. Очевидно то, что он никогда не забывал покинутую им родину. Живя в Крыму, бывал в Европе,

во Франции, где издавалось большинство его произведений. Несколько сочинений вышло в Швейцарии; ещё были переводы на итальянский.

Как писатель Бертрен многогранен, в его творчестве представлены разные жанры.

Романы: «Vocation de Valentin» (Paris, 1885. «Призвание Валентина»), «Lalionned'Odessa» (Paris, 1886. «Одесская львица»), «Emmanuel de Galilee» (Paris, 1887. «Эммануэль из Галилеи»), «Etapessanglantes» (Paris, 1900. «Кровавые этапы»), «Tartarin fils en Russie» (Paris, 1905. «Сын Тартарена в России»); философский роман «De la science a la religion» (Paris, 1911. «От науки к религии»). Повесть: «L'amour d'un clown» (Paris, 1888. «Любовь клоуна»). Новеллы: «Saint-Sepulcre» (Revue bleue. Paris, 1903. Т. 20. «Гроб Господень»); «Djevahir. Nouvelle crimeenne» (Revue de Suisse. Lausanne, 1905. Т. 38. «Джеваир. Крымская новелла»). Среди очерков – «Les intellectuels en Russie» (Revue Suisse. Lausanne, 1908. № 148. «Интеллигенция в России»).

Романы Бертрена выходили в основном в издательстве «Кальманн-Лёви» («Calmann-Lévy») – старейшем (оно было основано в 1836 г.) и крупнейшем во Франции, в нём печатались произведения Бальзака, Жорж Санд, Гюго, Дюма, Флобера, Ренана, Франса и иных выдающихся мастеров слова.

Другие направление творчества Луи Бертрена – публицистика. Она посвящена Крыму, представленному в целой серии произведений: книге «Путешествие по Крыму: Южный берег» и очерках, также в основном освещающих его поездки по полуострову.

Первые сочинения Бертрена на русском языке вышли из печати только в 2004 г.: в книге «Французы в Крыму» в качестве приложения были опубликованы его «Путешествие по мёртвым городам Крыма» и «Графиня де Ламонтт-Валуа. Её смерть в Крыму» в переводе Г. И. Беднарчика [1]. В 2014 г. вышла книга с его же переводами на русский язык четырёх публицистических произведений Луи Бертрена [18, с. 9–221]: «Героиня процесса “ожерелье королевы”». Её пребывание в России. Её смерть в Крыму», «Неизвестные уголки Крыма», «Императорские резиденции в Крыму» и уже ранее опубликованное «Путешествие по мёртвым городам Крыма». Первые два произведения из вышедших в 2014 г. связаны между собой тематически – это очерки-расследования. Другие два посвящены путешествиям автора в Ялту, Ливадию и Бахчисарай, осуществлённым в 1894 г.

До сих пор остаются неопубликованными в русском переводе его сочинения «Путешествие по Крыму: Южный берег» и «Морской порт Феодосия» [21, 22].

Обратимся к первому из них. Путешествия Луи Алексиса Бертрена по Крымскому полуострову состоялись отнюдь не вскоре после вхождения Крыма в состав России, но более чем через сотню лет после этого судьбоносного для Крыма и для России события. Он видел Крым уже не таким, каким его видели и представили на страницах своих путевых записок российские и зарубежные вояжеры в конце XVIII – первой половине XIX в. Тогда (особенно в начале этого периода) ещё в более или менее хорошей сохранности пребывали памятники античного и средневекового времени, старые города сохраняли свой восточный колорит, вновь основанные города только начинали свою историю, на побережье было много свободного

пространства, Крым ещё не превратился в курорт со всеми его последствиями, население было довольно редкое, ещё не построили железные дороги, большие порты. Разумеется, описание такого Крыма в сочинениях ранних путешественников представляет ценность для науки.

После разрушительной Крымской войны полуостров возрождался долго, и многое изменилось в его жизни. Естественно, те, кто описывал свои впечатления, путешествуя по Крыму во второй половине XIX – начале XX в., видели его другим. Он стал более европеизированным, не столь экзотичным, потерявшим немалую часть своих сокровищ – памятников старины. Но ведь история не бывает более интересной и менее интересной, каждому времени свойственен свой колорит, каждая эпоха органически вписывается в исторический процесс, неразрывно связана с прошлым и будущим. И для нас сегодня мемуарная литература второй половины XIX – начала XX в. с её живыми свидетельствами о Крыме того времени представляет не меньшую ценность, чем «путешествия» более ранние. В ней отражены разные стороны жизни Крыма и России: экономика, политика, быт, духовный мир наших не очень далёких предков.

Произведения Луи Бертрена, посвящённые Крыму, – это памятники словесности, в то же время это источник по истории и культуре Крыма конца XIX – начала XX в. с яркими этнографическими зарисовками, деталями быта и, что особенно важно (так как о Крыме этого времени мы знаем всё-таки больше, чем о его жизни, скажем, в конце XVIII – первой половине XIX в.), это взгляд на Россию и часть её – Крым – иностранца, хотя и долго жившего в Крыму и явно позитивно настроенного по отношению к стране, принявшей его. Тем не менее воспитание и образование он получил во Франции, имел там родственников и друзей да и любил свою родину. Немаловажно и то, что и сам Бертрэн был частью истории Феодосии, Крыма.

«Путешествие по Крыму: Южный берег» опубликовано в Париже в 1892 г. Луи Бертрэн приступил к написанию этой довольно большой книги вскоре после вояжа по крымскому Южнобережью. В предисловии он выражает благодарность своему другу Л. П. Колли, который в течение всего путешествия был рядом и при необходимости оказывал помощь.

Путешествие началось с прибытия Бертрена из Одессы в Евпаторию морем – на пароходе «Пушкин». Дальнейший маршрут был таким: Севастополь и его окрестности (Георгиевский монастырь, мыс Парфенион, Инкерман, Балаклава) – Ялта – Ливадия – Ореанда – Алушка – Ливадия – Ялта – Гурзуф – Алушта. Из Алушты – в Симферополь (оттуда – в Бахчисарай). Судя по описанию, вояж состоялся летом или 1890 г., или, что скорее, 1891 г.¹

Из текста повествования следует, что некоторые места (Евпаторию, Севастополь) Бертрэн посещал уже не в первый раз.

Эта книга – свидетельство любознательности и образованности автора, его интереса к истории и современности, к природе и к людям. Из прочитанного ему на

---

¹ Луи Бертрэн говорил, что в Херсонесе видел руины храма с языческими и христианскими колоннами [21, р. 61]. По-видимому, этот храм – так называемая базилика на холме, раскапывавшаяся в 1890 г. Следовательно, путешествие Бертрена состоялось не ранее этого года.

память приходят строки из Гомера, Страбона, Плутарха, привлекают внимание руины средневековых построек, облик посещённых им городов и селений Крыма.

В рассказах о Евпатории, Севастополе и его округе картины мирной жизни перемежаются с трагическими событиями Крымской войны; война захватывает его целиком, к ней он возвращается вновь и вновь, как будто забывая обо всём другом, достойном описания. Глубокие переживания автора передаются читателю. И только красота и умиротворённость Южного бережья от Алупки до Алушты отвлекает Бертрена от грустных мыслей, повествование становится более светлым и оптимистичным. Тёплые мирные будни берут верх над кровавыми схватками в осенне-зимнюю непогоду.

Книга Луи Бертрена – это страстный призыв к народам и государствам прекратить чуждое самой природе человеческой кровопролитие. «Я спрашиваю себя: ради чего были все эти страдания, эти страшные агонии, этот героизм, ради чего было пролито столько крови? Чего мы добивались? Свободы навигации в устье Дуная, отмены русского протектората на Чёрном море, защиты христиан Порты. Чего добились? Почти ничего. Вместе с тем я убеждаю себя в том, что это трагическое столкновение имело и другие последствия, настолько великие и общечеловеческие, что на их фоне все самые удачные параграфы дипломатических договоров выглядят чем-то мелким и незначительным. Сражаясь бок о бок под пулями, рискуя своими жизнями, мужик и его барин познали чувство равенства, которое, начиная с этого времени, прочно вошло в их сознание, укрепилось, вылилось в либеральное движение и привело к освобождению от рабства... Кроме того эта многомесячная война столкнула представителей разных рас, между которыми ... возникли разного рода симпатии друг к другу. Таким образом, внезапно французский солдат стал закадычным другом своего вчерашнего врага... Вот что Провидение вывело своими вечными чернилами на полях всех этих договоров, многие пункты которых так и остались мёртвой буквой»¹ [21, р. 116–118].

Чувствуется стремление автора к объективности. Он не пытается скрыть то, что ему не понравилось или оставило равнодушным. Природа полуострова восхищала, она описана красочно и с удовольствием. А впечатления о крымских городах двойки: что-то нравилось, что-то – нет. В отличие от многих других путешественников XIX в., Бертрена зачастую оставляли равнодушными архитектурные памятники эпохи средневековья, он не видел в них ничего особенного, возможно, сопоставляя с теми, что украшали города Западной Европы. Не всегда нравились и постройки нового времени. Всё кажется ему простеньким, очень провинциальным. Возможно, он был целиком поглощён мыслями о событиях той страшной войны, что оставила так много памяти по себе.

Во время остановки в Евпатории наш путешественник не вышел на берег, но решил описать город по своему более раннему о нём впечатлению. Рассказ он начинает с истории, но не всегда точен. Основателем Евпатории ошибочно называет Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора (что, впрочем, было обычным в литературе XIX в.). Описывая события 5 (17) февраля 1855 г. – штурм Евпатории (в которой засели турецко-татарский гарнизон и французы) русскими восками, Бертрена

---

¹ Все цитаты из книги Луи де Судака даны в переводе Г. И. Беднарчика.

вместо генерала С. А. Хрулёва, возглавившего операцию, ошибочно называет генерала Д. Е. Остен-Сакена. Сами же события представляет с позиции сочувствующего врагам России («И всё же победа осталась за нами», а русские вынуждены были отступить) и переживает за пролитую «французскую кровь», впрочем, не отрицает того, что русские проявили «чудеса смелости и героизма» [21, р. 17–18]. Он отдаёт дань и тем, и другим.

В Севастополе наш путник останавливается в гостинице «Гранд-отель». Здесь, в легендарном Севастополе, все мысли француза вращаются вокруг событий Крымской войны, и один из разделов книги он называет «Воспоминания об осаде».

В Севастополе Бертрен бывал несколько лет назад и теперь замечает произошедшие в нём изменения. «Город освобождается от руин», – констатирует автор, вспоминая, что при более раннем посещении Севастополя он видел главную улицу города – Екатерининскую¹ – «мрачной, пыльной... окаймлённой развалинами»; теперь же «перед нами раскрывается панорама обновленного красочного города, стыдливо маскирующего свои развалины, гордого тем, что, несмотря на все несчастья, выпавшие на его долю, он выглядит таким сильным и в то же время таким приветливым» [21, р. 26, 23]. Бертрен убеждён в том, что «ни Нахимов, ни Севастополь не повержены, как это было принято считать» [21, р. 27]. И всё-таки руин ещё много, и их красочно, но с горечью описывает Бертрен. Раны, нанесённые полуострову в ту войну, оказались слишком глубокими, чтобы их можно было залечить за короткое время.

Большое впечатление произвели на француза военные корабли в бухте, и он довольно подробно рассказывает об «этих совершенных военных машинах» с «имперским орлом» на носках, обращая особое внимание на их орудийное оснащение [21, р. 23–25]. Это был его личный интерес или желание уведомить соотечественников (на всякий случай) о набирающей силу морской державе? Возможно, и то, и другое.

В Севастопольском военно-историческом музее, посвящённом обороне города 1854–1855 гг. (ныне Музей Черноморского флота Российской Федерации), наш автор не нашёл «ничего особо привлекательного» [21, р. 27]. (Сейчас в фондах музея хранится свыше 30 тысяч экспонатов, и он пользуется заслуженным вниманием посетителей.)

При достижении Исторического бульвара у Бертрена, восхищенного панорамой, открывающейся с высоты кургана, «возникает видение» в виде «трагических событий истории».

Перед его мысленным взором два укрепленных лагеря...

В Камышовой бухте «стоит французский флот под командованием адмирала Брюа. Для французов Камышова бухта – это открытая дверь во Францию; именно сюда поступает оружие для победы, продовольствие, чтобы не умереть с голода, и новости для поддержания духа. Но “Камышовка” – это ещё и притон для целой своры мелких поставщиков, ненасытных паразитов, как хищные птицы, обожающих войну. Отсюда с трудом различаешь черты городка, выстроенного этими хищниками:

¹ С 1921 г. и до настоящего времени – ул. Ленина. (В Севастополе таблички на домах представляют и старые, и современные наименования улиц.)

несколько барачков и выделяющееся на фоне синего моря белое пятно палаток»; этими палатками, похожими зимой на снежные конусы, усеяно «пространство километров десять в диаметре»; а по мере приближения к городу – «земля, ничего, кроме земли, изрытой, перевёрнутой, просеянной, скученной в насыпь, порезанной на траншеи, продырявленной ядрами, выдолбленной для устройства закрытых проходов»; на самых высоких холмах – несколько бастионов, наблюдательный пункт французского генерального штаба и укрепленные позиции англичан; «Мёртвая, угрожающая тишина висит над всем лагерем союзников» [21, р. 30–32].

А что видится французам Бертрена на стороне наших, русских? «Передо мной раскрывается панорама прекрасно защищённого Севастополя. Длинная оборонительная стена Карантинной бухты, Четвёртый, или Мачтовый, бастион вместе с Центральным бастионом похожи на укрепленные островки... Окраины пустынные, город вымер. Некоторое движение наблюдается лишь в районе бухты, там, где расположены арсеналы»; в порту стоят «несколько уснувших кораблей: это всё, что осталось от русского флота, затопленного с целью защиты рейда от эскадры союзников» [21, р. 32–33].

И люди...

«Я размышляю об этих военачальниках, на которых давит груз ответственности за такое количество человеческих жизней, думаю о монархах, назначающих этих командующих, о Боге, который благословляет монархов на войну»; «Я думаю о нашем маршале Сент-Арно, обо всех его достоинствах, кроме одного недостатка: нежелании вовремя расстаться со слишком тяжёлым для этого человека жезлом главнокомандующего; думаю о раненном при Ватерлоо, важном и учтивом лорде Раглане, больше дипломате, чем командующим армией»; «о высокомерном и заносчивом Меншикове, не умеющим льстить вышестоящим, о Меншикове, который полагал, что, отдав нам Севастополь... он поступил как истинный стратег и патриот. С особым восхищением я думаю о Корнилове и Нахимове... Думаю об инженере Тотлебене, возвышенной душе обороны Севастополя. И всё же в моём сердце теплится надежда. Я говорю себе, что у нас тоже есть Канробер, Ниель, Лурмель и Пелиссье, им всё-таки удастся одержать верх и что они будут милосердны к своим великим побеждённым» [21, р. 34–35].

Луи Бертрена, по присущему ему великодушию и объективности ради, – за тех и за других. Он видит и достоинства, и недостатки тех, кому поручили нападать, и тех, кому довелось защищать свою Родину, свой народ. Восхищаясь Корниловым, Нахимовым (чего стоят его слова: «Не знаю почему, но я просто обожаю этого Нахимова», «Я сравниваю этого человека с героями Плутарха!»), Тотлебеном, он надеется, что победители проявят милосердие по отношению к «великим побеждённым», которых автор называет «нашими (т. е. французам. – Э. П.) благородными противниками» [21, р. 34, 35, 44, 103]. Великие, благородные, но... противники. (А вот Людвик Петрович Колли так никогда не сказал бы...)

Нельзя не отдать должное писательскому таланту Бертрена. Он как будто выступает свидетелем страшных событий – 349-дневной осады Севастополя, погружает читателя в самую гущу событий и делает это настолько реалистично и с таким душевным волнением, что эта драма давно прошедших времён кажется

разворачивающейся сейчас, сегодня, прямо на наших глазах. Могут ли оставить кого-либо равнодушным такие строки: «Воздух, прочерченный ядрами, бомбами и ракетами, свистит, шипит, трещит, завывает, ржёт и мычит. Страшный шум, в котором смешались крики животных, людей и всего на свете. Это можно сравнить с разбушевавшимся проливным потоком между небом и землей, который захватывает, ударяет, разбивает, дробит железные снаряды, постоянно выплёвывая этот гремящий град. Под этим потоком земля вскипает, как вода»; «Несмотря на грохот перестрелки, перекрывая непрекращающиеся разрывы, слышны сигналы к атаке, звуки горнов, бешеное “ура” и жалобные, разрывающие сердце, крики в темноте. К кому обращены эти мучительные мольбы? Может быть, к нашей милой Франции или к их дорогой России... Да, в общем, всё равно!» [21, р. 35–36, 39].

Луи Бертрэн был хорошо осведомлён о событиях Крымской войны, читал о ней, в том числе мемуары (французов, англичан, не исключено, что и русских), видел акварели, литографии шотландца Уильяма Симпсона, не понаслышке знавшего об этой войне (впрочем, наблюдал её со стороны наших противников и их же в основном изображал), произведения других живописцев. Также, возможно, ему доводилось беседовать во Франции и в России с кем-то из участников тех далёких военных лет. К этим знаниям, полученным из разных источников, нужно добавить воображение человека мыслящего, имевшего некоторый опыт в военном деле (он ведь проходил военную службу), наконец, художественно одарённого.

А что переживали при осаде «Трои» XIX века, как стали называть Севастополь уже во время Крымской войны (а саму войну – «Троянской», осаду Севастополя – «Илиадой»), её участники-французы? Они тоже гордились своими воинами, называли их героями, погибших считали павшими за Родину (спрашивается: за какую родину?); впрочем, отдавали должное храбрости, мужеству и упорству защитников Севастополя («Русские дрались как львы»; «Русские защищали каждую пядь земли; уже безоружные, он дрались кулаками и зубами»; «... мы поняли, что война с русскими – не шутка») и в конце концов приходили к пониманию того, что война несёт лишь страдания и смерть: «Можно признать, что все наши жертвы... были брошены безрезультатно» [10, с. 174, 175, 272, 304]. Вот, например, что увидел по взятии Севастополя союзными войсками протестантский священник Анри Луазьон: «Как выглядит город! Что стало за шесть месяцев с прекрасным Севастополем!»; «они (французы. – Э. П.) не оставили ничего, кроме голых камней»; «Глубокая тишина царил там, где некогда был Севастополь»; «Пройти по улицам невозможно» [10, с. 179–180]. Становится ясно, почему так долго возрождался город. Только через три с лишним десятилетия он, словно феникс, восстал из пепла.

Страшное видение, представившееся Луи Бертрэну, смягчается продолжившейся прогулкой по Севастополю – с его «величественным зданием морской библиотеки», «грациозным зданием Офицерского собрания», памятником Александру Ивановичу Казарскому, Мичманским бульваром, собором св. Владимира, церковью Петра и Павла, красивыми центральными улицами – Екатерининской, Морской, Нахимова, но также с «простыми домиками окраин» [21, р. 41 etc.].

Посещение Владимирского собора на Центральном городском холме побуждает автора отдать дань покоившимся в нём героям: адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву, «основателю Черноморского флота»; вице-адмиралу Владимиру Алексеевичу Корнилову, «одному из активнейших организаторов обороны»; контр-адмиралу Владимиру Ивановичу Истомину, «блестящему, образованному, милому, как само его имя»; адмиралу Павлу Степановичу Нахимову, «морскому волку», «герою, рождающему героев не словами, а своими поступками» [21, р. 43–45].

Печально повествование Бертрена о французском кладбище, что по дороге на Балаклаву [21, р. 80–85]. Здесь его охватывают чувства гордости за соотечественников и благодарности по отношению к тем, кто нашёл последний покой на чужбине; Бертрен называет их своими «братьями-героями», «рабочими победы». Его переживания мы, конечно, можем понять, но только разумом – никак не сердцем. Из всех союзников в Крымской войне французов погибло больше всего – около 96 тысяч (турок – около 35 тысяч, англичан – 23 тысячи, итальянцев – более 2 тысяч. Впрочем, в литературе о Крымской войне цифры разнятся). А Россия потеряла 153 тысячи своих солдат и офицеров – почти в три раза больше, чем все её противники вместе взятые...

Теперь этого кладбища, устроенного в 1860-х гг. по инициативе французского правительства, уже нет. А Бертрен описал его довольно подробно и отметил, что оно «выглядит вполне прилично», «аллеи содержатся в чистоте, деревья ухожены».

В Инкерман он прибывает из Севастополя на ялике [21, р. 94–101]. И, «поспешив к печально известным Инкерманским высотам», идёт по полю, где 24 октября (5 ноября) 1854 г. произошло самое кровопролитное сражение в ходе Крымской войны. Он думает о матерях Франции, «которые в своих ночных и дневных кошмарах постоянно видели этот забытый уголок земли, эту страшную скотобойню». Жаль, что Бертрен не вспомнил о матерях защитников Севастополя... А ведь наших тогда пало намного больше, чем англичан и французов.

Но вот внимание путешественника отвлекает «пещерный город». Остатки средневековой крепости Каламиты не произвели на него особенного впечатления, больше, кажется, понравился «целый монастырский пещерный городок, состоящий из бесчисленных келий, коридоров, лестниц и часовен». Однако война следует за ним неотступно: в скальной церкви Бертрен обнаруживает снаряд тех уже далёких времён.

Впечатления о Балаклаве завершают повествование об окрестностях Севастополя [21, р. 101–107]. Этот городок «имеет славные страницы в своих исторических анналах», – пишет Бертрен. Но его облик слишком прост: «одна улица и несколько купален, наспех сооружённых у берега моря». А вот гавань необыкновенна: живописный «горный цирк» внезапно укрощает дикое море, превращая его в похожее на сапфир «голубое прозрачное озеро». И тут же: «где-то здесь была пришвартована прогулочная яхта лорда Кардигана», любителя отдыха и развлечений, в то время как недалеко отсюда «старик Реглан мёрз со своими солдатами на холоде среди пуль и снарядов».

Кажется, что мысли о войне неотступно преследовали нашего путешественника и не давали ему сполна насладиться тем, что так привлекало и восхищало буквально

всех бывавших в этих местах: природой и живописными руинами памятников далёкого прошлого. Странное дело: остатки генуэзской крепости Чембало, что на вершине горы, у входа в Балаклавскую бухту, ему показались неинтересными – как, кстати, и крепости Каламиты в Инкермане. А ведь Бертрэн так любил историю...

Список использованных источников и литературы

1. Бертрэн Луи Алексис (Луи де Судак). Сочинения по истории Крыма // Французы в Крыму. Симферополь: б. и., 2004. Кн. 1. С. 183–208.
Bertren Lui Aleksis (Lui de Sudak). Sochineniya po istorii Kryma // Frantsuzy v Krymu. Simferopol': b. i., 2004. Kn. 1. S. 183–208.
2. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: БФ «Деметра», 1999. 160 с.
Borovkova V. N. Kollektionery i torgovtsy kerchenskimi drevnostyami. Kerch': BF «Demetra», 1999. 160 s.
3. Гейман В. Д. Памяти учителя: о последних днях Л. П. Колли // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 215–217.
Geyman V. D. Pamyati uchitelya: o poslednikh dnyakh L. P. Kolli // ITUAK. Simferopol', 1918. № 55. S. 215–217.
4. Гейман В. Д. Луи Бертрэн: некролог // ИТУАК. Симферополь, 1919. № 56. С. 167–170.
Geyman V. D. Lui Bertren: nekrolog // ITUAK. Simferopol', 1919. № 56. S. 167–170.
5. Захарова О. Ю. Светлейший князь М. С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 312 с.
Zakharova O. Yu. Svetleyshiy knyaz' M. S. Vorontsov. Simferopol': Biznes-Inform, 2004. 312 s.
6. Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову 1828–1837 гг.: из собрания ГИМ / сост. А. К. Афанасьев. М.: Новый хронограф, 2015. 280 с.
Kaznacheev A. I. Partikulyarnye pis'ma grafu M. S. Vorontsovu 1828–1837 gg.: iz sobraniya GIM / sost. A. K. Afanas'ev. M.: Novyy khronograf, 2015. 280 s.
7. Купченко В. П. Киммерийский некрополь: кладбища Юго-восточного Крыма (рукопись) // Фонды Феодосийского литературно-мемориального музея А. С. Грина. 1976–1978. 56 с.
Kupchenko V. P. Kimmeriyskiy nekropol': kladbishcha Yugo-vostochnogo Kryma (rukopis') // Fondy Feodosiyskogo literaturno-memorial'nogo muzeya A. S. Grina. 1976–1978. 56 s.
8. Купченко В. П. Кто был кто в Феодосии и Феодосийском уезде, включая гостей полуострова: 1783 – первая треть XX в. Опыт биографического справочника (рукопись) // Архив Издат. дома «Коктебель» (Феодосия). 251 с.
Kupchenko V. P. Kto byl kto v Feodosii i Feodosiyskom uезде, vklyuchaya gostey poluostrova: 1783 – pervaya tret' XX v. Opyt biograficheskogo spravochnika (rukopis') // Arkhiv Izdat. doma «Koktebel'» (Feodosiya). 251 s.
9. Маркевич А. И. Памяти Людвика Петровича Колли // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 208–214.
Markevich A. I. Pamyati Lyudvika Petrovicha Kolli // ITUAK. Simferopol', 1918. № 55. S. 208–214.
10. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса / 2-е изд. Симферополь: СГТ, 2010. 480 с.
Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervyykh D. K., Orekhov D. V. Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) voyna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arkhivy, pressa / 2-e izd. Simferopol': SGT, 2010. 480 s.
11. Петрова Э. Б. В. К. Виноградов: хранитель «правды, истины и сердечности» // Пилигримы Крыма: сб. науч. статей и материалов. Симферополь: Крымский архив, 2003. Вып. 1 (6). С. 67–83.
Petrova E. B. V. K. Vinogradov: khranitel' «pravdy, istiny i serdechnosti» // Piligrimy Kryma: sb. nauch. statey i materialov. Simferopol': Krymskiy arkhiv, 2003. Vyp. 1 (6). S. 67–83.
12. Петрова Э. Б. Василий Ксенофонтович Виноградов: 160 лет со дня рождения // Русские в истории Тавриды: материалы науч.-практ. конф. Симферополь: ООО ПЦ «Московский мост», 2003. С. 63–75.
Petrova E. B. Vasiliy Ksenofontovich Vinogradov: 160 let so dnya rozhdeniya // Russkie v istorii Tavridy: materialy nauch.-prakt. konf. Simferopol': OOO PTs «Moskovskiy most», 2003. S. 63–75.

13. Петрова Э. Б. Колли Людвик Петрович // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: библиографический справочник. Киев: Болеро, 2011. С. 49–55.
- Petrova E. B. Kolli Lyudvik Petrovich // Sotrudniki Feodosiyskogo muzeya drevnostey – deyateli nauki i kul'tury: bibliograficheskiy spravochnik. Kiev: Bolero, 2011. S. 49–55.
14. Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и её округи в начале XX века: к 165-летию со дня рождения Людвика Петровича Колли // История и археология Крыма: сб. ст., посв. памяти А. Е. Пуздровского / Ин-тут археологии Крыма РАН. Симферополь: Изд-во тип. «АРЕАЛ», 2015. Вып. 2. С. 488–510.
- Petrova E. B. Feodosiyskiy muzey drevnostey i okhrana pamyatnikov Feodosii i ee okrugii v nachale XX veka: k 165-letiyu so dnya rozhdeniya Lyudvika Petrovicha Kolli // Istoriya i arkhologiiya Kryma: sb. st., posv. pamyati A. E. Puzdrovskogo / In-tut arkhologii Kryma RAN. Simferopol': Izd-vo tip. «AREAL», 2015. Vyp. 2. S. 488–510.
15. Протокол заседания ТУАК 17 января 1912 г. // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 48. С. 243–248.
- Protokol zasedaniya TUAK 17 yanvarya 1912 g. // ITUAK. Simferopol', 1912. № 48. S. 243–248.
16. Санжаровец В. Ф. З. С. Херхеулидзе: новые факты биографии // Пантикапей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столице: материалы междунар. конференции / Керченский гос. историко-культурный заповедник. Керчь: б. и., 2000. С. 207–211.
- Sanzharovets V. F. Z. S. Kherkheulidze: novye fakty biografii // Pantikapey – Bospor – Kerch' – 26 vekov drevney stolitse: materialy mezhdunar. konferentsii / Kerchenskiy gos. istoriko-kul'turnyy zapovednik. Kerch': b. i., 2000. S. 207–211.
17. Саркизов-Серазини И. М. Воспоминания о Феодосии. Феодосия: РА «Арт Лайф», 2010. 112 с.
- Sarkizov-Serazini I. M. Vospominaniya o Feodosii. Feodosiya: RA «Art Layf», 2010. 112 s.
18. Судак Луи де. Мели Фернан де. Рамбо Альфред. Французские путешественники в Крыму: XIX век / пер. Г. И. Беднарчика. Симферополь: Н. Орианда, 2014. 312 с.
- Sudak Lui de. Meli Fernan de. Rambo Al'fred. Frantsuzskie puteshestvenniki v Krymu: XIX vek / per. G. I. Bednarchika. Simferopol': N. Orianda, 2014. 312 s.
19. Тимиргазин А. Д. Судак: хроника российского периода (1783–1917). Симферополь: СГТ, 2015. 576 с.
- Timirgazin A. D. Sudak: khronika rossiyskogo perioda (1783–1917). Simferopol': SGT, 2015. 576 s.
20. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii: XVIII – seredina XIX v. SPb.: Nauka, 2002. 676 s.
21. Soudak Louis de. Voyage en Crimée: Cote meridionale. Paris: Calmann-Lévy ed., 1892. 276 p.
22. Soudak Louis de. Theodosia, port de mer // A travers le monde. Paris, 1896. № 16. P. 121–124.

Petrova E. B. The Crimean War in the «Voyageen Crimée: Cote meridionale» (1892) by Louis de Soudak (Louis Alexis Bertren).

The French, Turkish and Spanish vice-consul in Feodosia and writer Louis Alexis Bertren (Louis de Soudak; 1852–1918) spent the great part of his life in the Crimea (Theodosia and Soudak). He penned the series of essays on the Crimea and «Voyageen Crimée: Cote meridionale», published in 1892 in Paris. These works let us look at Russia and the Crimea by foreign eyes. The great portion of the book is devoted to Sevastopol and its neighborhood, along with this the major attention of the author was focused on the events of the Crimean War, and description of its signs in the City of Russian Glory after almost forty years.

Keywords: Crimea travelers of the XIX century, Voyageen Crimée, Louis de Soudak (Louis Alexis Bertren), The Crimean War, siege of Sevastopol.